На правах рукописи

Щеглов Илья Алексеевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки).

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре политологии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Официальные оппоненты:

- доктор философских наук, профессор Герасимов Анатолий Васильевич
- доктор политически[illegible]

[illegible]рофессор

У1893495

Щеглов И.А.
Политическая социализация: социально-политические основы исследования
2009
0-00

Ведуг [illegible]ионный институт [illegible]ический университет)

Защита [illegible] г. в 13 часов на заседании [illegible]м в Московском [illegible]ана по адресу: [illegible]20л.

У 1893495

[illegible]ской библиотеке

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

НТБ МГТУ им. Н.Э. Баумана
1893495
Щеглов И.А. Политическая с

[illegible].А. Власов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Политическая социализация относится к числу проблем, занимающих видное место в социологии и психологии личности, в структуре политической системы, в социокультурной динамике общественного развития. Интерес к политической социализации в рамках политической науки, социологии, психологии свидетельствует о ее значимости.

Политическая социализация связывается, как правило, с политическим акцентированием «общего» процесса социализации. Этот подход недостаточен для того, чтобы раскрыть сущность и содержание политической социализации как социально-исторического явления. Следует рассматривать политическую социализацию как самостоятельную категорию с собственным категориальным аппаратом, со своими историческими корнями, социальными, политическими, психологическими, культурными характеристиками.

Тема политической социализации получает свое становление и развитие в 50-60-е годы 20 века в ответ на протекающие в духе 20 столетия процессы институционализации. Обращение к проблеме политической социализации выступает в качестве одного из показателей развитости корпуса социально-гуманитарных наук, однако разработки в области политической социализации затрагивают лишь то, что лежит в рамках систем отношений «человек-власть», «человек-политика». Категория политической социализации, отсюда, позволяет ограниченно включать представление о человеке, о политической социализации личности, и фактически исключает представления о человеке политическом как исторически складывающемся типе личности.

В качестве базового для нашего исследования мы принимаем понимание политической социализации как социально-исторического феномена, который восходит к истории становления и развития бытия человека политического – огосударствленного, цивилизационного в своем родовом понятии. Без этого решающего условия невозможно и постижение логики и закономерностей развития социально-политических процессов и сущностей, задействованных в сферу политической социализации.

Учет социокультурных, технологических особенностей того временного периода, в рамках которого живет человек, выступает необходимым условием успешного проведения социологических исследований в сфере политической социализации.

Технология организации социально-гуманитарного знания, обращающаяся к проблеме «идеальных» типов, строго классифицируемых сущностей, связана с конечными, завершенными состояниями. Тем не менее, человек и общество представляют собой открытые системы, которые требуют более взвешенного в отношении себя научного подхода. В настоящее время ощущается потребность в выработке научных подходов к изучению личности и общества, которые не ограничивались бы задачей построения адаптивных моделей социализации.

Особое значение для понимания содержания процесса социализации имеют представления о целостной, открытой в пространство, личности.

Интерес к изучению политической социализации со стороны ученых в области социологии, политической науки, психологии, педагогики объясняется увеличением роли деструктивных факторов, влияющих на молодого человека, и, соответственно, потребностью в реализации психологической и социальной поддержки подрастающих поколений. Однако предпринимаемые в отношении молодежи антикризисные меры не эффективны, не отвечают необходимому уровню организации и постановки проблемы социализации личности в целом, которая понимается в педагогическом аспекте, как отношения социализатора и социализируемого. Актуальной задачей выступает необходимость раскрытия личностного аспекта социализации.

Основная сложность в выработке непротиворечивой модели социализации заключается в слабости междисциплинарного подхода, призванного обогащать горизонты осмысления изучаемых в социально-гуманитарных науках явлений и процессов. Источник возникающих между различными научными подходами методологических противоречий в построении теории личности состоит в дефиците открытого научного поиска. Этим во многом объясняется отсутствие конструктивного диалога между подходами, разработанными в рамках общей теории социализации. Выводы, которые обеспечиваются за счет ограничения спектра рассматриваемых явлений общественной жизни, не могут считаться полноценными.

Проблема политической социализации в современной России обретает все большее значение в плане обеспечения сознательного включения молодых людей в общественную жизнь. Формирование программ, ориентированных на поддержание индивидуального жизненного роста новых поколений российских граждан, требует постановки и разрешения не только социальных, но также мировоззренческих проблем.

Центральная задача, стоящая сегодня перед исследователями в области политической социализации, - выявить потенциал политической социализации как научно-тематической категории, и очертить контуры возможной работы с ним.

Степень разработанности проблемы. Рубеж 19-20 веков ознаменовал собой появление и развитие теорий социализации личности, которые являются предметом изучения различных научных школ и направлений в социологии и психологии. Постановка проблемы социализации говорит об определенном уровне развития научной мысли, о зрелости корпуса социально-гуманитарных дисциплин. Интерес исследователей к проблеме политической социализации был вызван в 50-60-е годы 20 столетия, что было связано с происходящими в странах Запада изменениями в социальной, экономической и политической сферах жизни.

Восходящие к трудам Аристотеля, Платона, и позднее развитые в истории западной политической мысли в рамках проблемы «личность и политика» (Т.

Гоббс, Г. Спенсер) представления о природе отношений человека, общества и власти во многом повлияли на становление теории политической социализации.

Впервые проблема политической социализации получила свое развитие в США в 50-х годах 20 века, и распространилась на сферу изучения системного анализа политики, политического бихевиоризма, политической социологии, политической герменевтики и политического психоанализа.

С конца 19 столетия в западной социологии доминирует нормативное понимание социализации, которое ставит индивида в прямую зависимость от действующих в обществе традиций и обычаев. Позднее данные представления нашли выражение в институциональных трактовках социализации. При всем отличии подходов к изучению механизма взаимоотношений между человеком и обществом, подчеркивается адаптивный смысл процесса социализации.

Основной методологический принцип изучения процесса социализации в социологии кроется в ориентации на обобщение и систематизацию научных данных, в рассмотрении личности с позиции общества. Значимость процесса социализации как развертывания личностных характеристик подчеркивается в феноменологической социологии, в традиции экзистенциализма, персонализма.

Со времен Античности внимание исследователей сосредотачивается на внешних по отношению к личности факторах социализации, в результате чего взаимоотношения между человеком и обществом обретают либо служебный, либо насильственный характер.

Г. Тард, У.Г. Самнер, Г. Зиммель придерживались нормативного подхода к пониманию социализации, восходящему к положению о том, что основной формой социальных связей выступают установленные в обществе правила и требования.

Начиная с 60-х годов, интенсивное изучение проблемы политической социализации представлено большой группой ученых, и позволяет выделить несколько направлений исследований. Н. Адлер (N. Adler), Г. Бендер (G.J. Bender), И. Гринберг (E.S. Greenberg), Ф.И. Гринстайн (F.I. Greenstein), Р. Даусон (R.E. Dawson), Дж. Деннис (J. Dennis), Д. Джарос (D. Jaros), Д. Истон (D. Easton), Й. Курода (Y. Kuroda), К. Лэнгтон (K.P. Langton), К. Превитт (K. Prewitt), Р. Сигал (R.S. Sigel), Л. Сигул (L.M. Seagull), Д. Смит (D.H. Smith), Дж. Торни (J.V. Tourney), Т. Фарах (T.E. Farah), Л. Фроман (L.A. Froman), Г. Хайман (H.H. Hyman), Р. Хесс (R.D. Hess), Д. Шварц (D.C. Schwartz), С. Шварц (S.K. Schwartz), П. Шидерман (P.M. Shiderman), осуществляющие свои исследования в рамках системного анализа политики, сводят политическую социализацию к системе дисциплинирующего воздействия на индивида агентов - родители, peer groups (сверстники), и институтов социализации (семья, школа, государство, церковь). Политическая социализация интересует этих авторов как механизм поддержания стабильности политической системы, формирования у граждан в отношении нее позитивных установок.

В работах раннего Т. Парсонса, в концепциях Р. Мертона социализация осмысливается как процесс усвоения человеком социальных ролей и функций.

Со строго функциональных позиций А. Марш и Л. Милбрайт подчеркивали служебный характер выполняемых человеком социально-политических ролей. Э. Дюркгейм, К. Ясперс интерпретировали социализацию в качестве процесса подчинения человека жесткому контролю со стороны общества и государства.

Положенный в основу концепции «социального взаимодействия» принцип функционализма находит свое выражение в бихевиоризме (Б. Скиннер), в техницизме (Д. Белл), символическом интеракционизме (Дж. Мид, Ч. Кули). Адаптивный характер в изучении социализации личности, который выражается в нормативном, институциональном и функциональном понимании природы человека, остается доминирующим.

Б.Д. Парыгин, Л.С. Выготский, И.А. Ильин, И.С. Кон рассматривают социализацию в контексте адаптации человека к ролевым функциям и усвоения им существующих в обществе норм и культурных ценностей. Альтернативные подходы намечаются В.Т. Лисовским, который вводит понятие «жизненного самоопределения» как фактора социализации. Е.А. Ануфриев актуализирует в качестве основного содержания политической социализации проблему прав и свобод личности. Е.Б. Шестопал указывает на неправомерность рассмотрения социализации с точки зрения совокупности внешних воздействий на индивида.

Рассматривая данный процесс в качестве формирования политического поведения в духе политического бихевиоризма, Р. Роуз и Р. Лейн использовали понятие политической социализации для объяснения поведения электората политических партий, лидеров, мотивации поведения рядовых граждан. В их работах политическая социализация понимается как аналог адаптации человека к политической системе в манипулятивном духе скиннеровской социальной инженерии.

Изучение политической социализации в рамках электорального поведения граждан находит свое выражение в экономической теории демократии А. Даунса (A. Downs), теории ретроспективного голосования М. Фиорины (M. Fiorina), теории перспективного голосования Х. Химмельвейта (H. Himmelweit). Понятие политической социализации используется П. Конверс (P.E. Converse), Г. Дюпеукс (G. Dupeux) для объяснения поведения электоральных групп.

Критика жесткого бихевиоризма привела к поискам в рамках данного направления новых методологических подходов. Начиная с 70-х годов 20 века, в западной политической науке стала доминировать трактовка политической социализации, делающая акцент не на внешне наблюдаемом поведении, а на сопутствующих ему формах мышления, на стиле и содержании политического знания. В работах Дж. Адельсона, Р. О'Нейла, Р. Мерельмана развивается общепсихологическая теория Ж. Пиаже применительно к стадиям становления мышления ребенка о политике. Другим аспектом этой теории стала разработка «почерка» политического мышления, в частности, у политических лидеров. Результаты проводимых исследований свидетельствуют, что в ходе первичной политической социализации закладываются такие особенности политического

мышления и поведения, как стиль принятия решений, когнитивная сложность, догматизм, стереотипность – работы М. Херманн, Ф. Тетлока.

Изучение механизмов социализации привело к специальному выделению мотивационного блока личности, формирование которого влияет на поведение политика и рядового гражданина. В этом вопросе на концепции политической социализации оказала влияние, с одной стороны, психоаналитическая традиция, акцентирующая бессознательный слой мотивации – Г. Лассуэлл, с другой, идеи «гуманистической психологии» К. Роджерса и А. Маслоу о социализации как «восхождении» личности к самоактуализации, в том числе и в сфере политики – Р. Инглхарт, С. Реншон.

Г. Алмонд (G.A. Almond), М. Дженнингс (M.K. Jennings), Р. ЛеВайн (R.A. LeVine), Р. Найеми (R.G. Niemi), С. Верба (S. Verba) изучают политическую социализацию с точки зрения основного механизма культурной трансмиссии. Политическая социализация обозначается процессом передачи политической культуры от одного (старшего) поколения к другому (младшему), и наоборот, в рамках семьи, школы.

Теория политической социализации обязана позитивному влиянию на нее психокультурного (psychocultural) подхода, находящего отражение в выработке форм (прямая, косвенная), методов политической социализации (Г. Алмонд, С. Верба). Специфика политической социализации субкультур исследуется П. Абрамсон (P.R. Abramson), С. Акингхан (S. Akinghan), Ч. Белл (Ch.G. Bell), Ф. Гарсиа (F.Ch. Garcia), Ч. Девис (Ch.L. Davis), С. Дуглас (S.A. Douglas), С. Лайонс (S.R. Lyons), Г. Маркс (G.N. Marks), Г. Синч (H. Sinch), Б. Стейси (B. Stacey), Р. Уилсон (R.W. Wilson), Г. Хирч (H. Hirsch), В. Шапиро (V. Sapiro).

Сведение социализации к процессу формирования активного отношения человека к миру находит свое отражение в концепциях «автономной личности», которые выступают в виде альтернативы подходам, подчиняющим индивида системе институциональных воздействий, то есть установленным в обществе нормам, правилам и предписаниям. Г. Олпорт, Ю. Хабермас, К. Юнг признают за личностью определенную самостоятельность, свободу в процессе реализации собственных стремлений. Э. Фромм вводит понятие «позитивной» свободы как непременного условия эффективной социализации личности. В отечественной литературе концепции автономной личности находят свое отражение в трудах Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева. На драматический характер человеческого бытия указывают Ж.-П. Сартр, А. Камю. Э. Эриксон возводит социализацию к процессу самоидентификации индивида.

Активный интерес к изучению процесса политической социализации в отечественной политико-социологической литературе, наблюдаемый в начале-середине 90-х годов 20 столетия, позволяет выделить несколько направлений исследований.

На концептуально-теоретическом уровне Е.А. Ануфриев, К.С. Балюкин, И.В. Васильев, А.Н. Виноградов, В.Г. Волков, Н.А. Головин, О.Н. Гумечук, Г.А. Парахонская, О.Ю. Рыбаков, Т. Сасинська-Клас, Л.М. Семеренко, С.И.

Чернышев рассматривают сущность и содержание политической социализации, механизмы вовлечения личности в политику, роль социальных институтов в процессе политической социализации.

Социально-исторический аспект политической социализации освещается в работах И.В. Денисовой, Н.Д. Кравец, Н.Н. Сидяковой, А.Н. Сказецкого.

В рамках социокультурного аспекта О.В. Борисова, А.Н. Гавриленко, Г.М. Доровская, С.О. Лебедева, И.Р. Подсохина, Н.Д. Тотьмянин акцентируют свое внимание на выявлении взаимосвязи политической культуры и политической социализации.

Особенности политической социализации российской молодежи освещены в работах О.В. Амосенко, Г.Х. Аубакировой, И.Н. Гавриловой, В.В. Касьянова, О.С. Коршуновой, М.М. Лисенкова, В.В. Морозова, Е.А. Пелевиной, В.В. Сидоренко, А.П. Скробова, О.В. Смирновой, О.В. Суровой, А.М. Теневой, В.М. Хомякова, С.Р. Шавриной.

В рамках теорий политического участия, электорального, политического поведения понятие политической социализации выступает в виде основного источника представлений о социально-политической активности субъекта, о формах политической активности. Политическая социализация определяется рассмотрением форм нетипичности, которые служат предметом теоретического анализа и поиска путей социальной, воспитательной и идеологической работы.

С позиции личности политическая социализация употребляется в западной политической науке, прежде всего, для обозначения процесса политического созревания индивида, развертывания политической самости во взаимодействии с социальной средой. С позиций общества и власти политическая социализация представлена механизмом поддержания стабильности политической системы, социального развития, чем и определяются функции агентов и институтов социализации.

Перспектива исследовательской парадигмы теории социализации видится в актуализации идей, положенных в основу феноменологической традиции («горизонт» Э. Гуссерля), экзистенциализма («эк-зистенция» М. Хайдеггера), феноменологической социологии («жизненный мир» А. Шюца), персонализма (Э. Мунье). Л.С. Яковлев рассматривает пространство социализации в виде жизненного пространства общества и личности.

Недостатки феноменологического подхода преодолеваются Н. Бердяевым, указывавшим на тесную взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим. В современное развитие представлений о социализации включаются положения Б. Вальденфельса, Э. Гидденса, И. Гоффмана, пространство социального мира П. Бергера, П. Бурдье, игровое пространство Й. Хёйзинги, коммуникативно-информационное пространство Н. Лумана, У. Эко. Перспектива в изучении социализации видится в обращении к работам К. фон Клаузевица, технологии познания Э. Тоффлера. В этих работах раскрывается ключевое для понимания социализации структурно-пространственное значение социального бытия.

Наибольшую разработку в американской политической науке получило изучение этапов, типов, форм политической социализации. Основное внимание уделяется исследованию внешне наблюдаемых форм поведения человека в сфере политики.

Слабо разработанным остается личностный аспект процесса социализации, призванный раскрывать изменения, происходящие в структуре самой личности. Основная проблема заключается в выработке единой направленности научного поиска, который отличался бы открытостью в отношении познания мира как сложного саморазвивающегося социального организма.

Сохраняется понимание человека как существа, изначально включенного в социальную систему, разыгрывающего в ней статусные и ролевые репертуары. Перспектива такого подхода заключается в том, что от него можно идти в различных направлениях. Фактически политическая социализация сводится к социологии процесса политизации.

Решением проблемы выработки авторского подхода к рассмотрению политической социализации определена задача данной работы.

Цель исследования – раскрыть содержание политической социализации как процесса развертывания бытия человека политического.

Достижение поставленной цели потребовало решение следующих исследовательских **задач:**

- рассмотреть сложившиеся в политической науке теории и подходы к политической социализации, осуществить квалифицированный анализ данных подходов;
- разработать логику построения программы научного исследования, предполагающую выработку соответствующего инструментария, структуры научного анализа, доминант категориально-понятийного аппарата;
- сформулировать авторское понимание процесса социализации личности в контексте представлений о «частичной» личности;
- выдвинуть авторский подход к пониманию политической социализации как научной категории, и разработать авторскую концепцию политической социализации, основывающуюся на социально-исторической интерпретации;
- проследить логику социально-политического развития самости на уровне социально-биологического взросления индивида;
- определить характер развития политической социализации современной российской студенческой молодежи.

Объектом исследования выступает политическая социализация в качестве социально-исторического феномена. **Предметом** исследования служат системы социальных взаимосвязей, определяющие практики социализации.

Научная новизна работы определяется следующими показателями:

- Выработана авторская программа научного исследования с включением доминант категориального аппарата, раскрывающих генезис индивидуальности и социальности.

• Разработано понимание социализации личности, включенное в понятия *личностного* и *жизненного пространств*; представлено понимание личностно-жизненного пространства как опыта развертывания индивидуального бытия.

• Осуществлена разработка понимания политической социализации на основе рассмотрения становления и эволюции бытия человека политического с раскрытием принципов и форм его организации. Очерчивается образ проблемы политической социализации, принципиально отличающийся от сложившегося в политологическом знании понимания данного социального феномена.

• Интерпретирована стадийность развертывания структуры политической самости, которая демонстрирует логику социально-биологического взросления индивида в контексте развития представлений о человеке политическом.

• Разработана логика эмпирического исследования, систематизируемого шкалой ценностных ориентаций и предпочтений, показателями включенности молодых людей в социально-политическую жизнь, характером идеологизации политического сознания молодежи.

На защиту выносятся следующие положения:

• Обоснование технологичности мыслительно-познавательных процедур, отождествляемой с определенно-уровневой организацией процессов научного познания, и, отсюда, объясняющей господство нормативно-институциональных трактовок политической социализации в системе социально-гуманитарного знания.

• Обоснование ключевого значения для непротиворечивого объяснения механизма социализации категории *технология*, позволяющей осуществлять построение категориальной системы в исследовании, а также логики научного анализа.

• Социализация личности включена в категории *личностного* пространства и *жизненного* пространства, разворачивающиеся из человеческого потенциала, который содержит в себе адаптивный и творческий потенциал. Социализация личности в контексте представлений о «частичной» личности определяется процессом организации внутренней структуры личности.

• Изложение авторской концепции политической социализации как формы бытия человека политического, - исторически сложившегося типа личности, рационализированного и идеологизированного в своей основе, который берет свое развитие с формированием признаков государственности. Такой подход ориентирует на неправомерность рассмотрения политической социализации с классических позиций взаимоотношений в системе «человек-власть», «человек-политика».

• Политическая самость – понятие, обозначающее не политизированность индивида, а структурированность бытия человека политического. Стадийность развертывания политической самости содержательно проявляется в переходе от открытия для себя мира к «закрытости» индивида, а технологически – в

восхождении самости по мере социального взросления к структуре общества, к идеологизации структуры личности.

• Раскрытие динамики процесса политической социализации российской студенческой молодежи по показателям социально-политической активности, социально-психологических установок, восприятия и установок молодежи в политико-правовом и политико-идеологическом пространствах.

Эмпирическую базу исследования составил социокультурный анализ происходящих в современном российском обществе изменений, выявление основных закономерностей и специфики процесса политической социализации студенчества. Диссертантом были проведены социологические исследования на базе студенческих групп МГТУ им. Н.Э. Баумана в 2002 (выборка 635 человек), 2006 (выборка 595 человек) годах.

Стратегия теоретико-прикладного анализа определена многоступенчатой выборкой, состоящей из трех этапов. Первый и второй этапы – не случайная квотная. Квота составила 20%, исходя из общего количества обучающихся на втором курсе студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана (около 3000 человек). Третий этап – механическая сплошная, в рамках которого был опрошен каждый студент в отдельности.

Диссертант принимал участие в работе социологических исследований выпускников – учащихся 11-х классов средних общеобразовательных школ Юго-Восточного округа г. Москвы, проводимых лабораторией социально-психологической службы Научно-методического центра Юго-Восточного учебного округа в 2007 году в рамках программы «Выпускник-2007». Выборка включала 12 школ. Общее количество опрошенных выпускников составило 332 человека. Форма социологического исследования – анкетирование.

Обращение к социологическим исследованиям молодежи, проводившимся в регионах России в середине–конце 90-х годов, позволило автору выявить тенденции развития процесса политической социализации молодых поколений.

Осуществлен анализ сфер интересов и предпочтений респондентов. По результатам группового анкетирования выявлен характер отношения студентов к происходящим в политической, социальной и экономической жизни общества процессам, произведен анализ структуры социальных ценностей молодежи.

Логика процесса настоящего исследования строилась в соответствии с программой, ориентированной на объяснение происходящих во внутренней структуре личности изменений. С учетом построенной теоретической моделью социализации осуществлен анализ общих тенденций развития личности в современном мире.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования послужил синтез феноменологической, экзистенциалистской, персоналистской традиций в построении теории личности с использованием методов научного анализа эмпирического и теоретического уровней – по гносеологическому основанию, а также общенаучных методов логического анализа. Работы Б. Вальденфельса, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, включенные в пространственную

перспективу научного исследования, рассматриваются автором в диалоге с идеями, выражающими суть концепций свободной личности. Осуществляемый в диссертации синтез позитивистской, структуралистской, феноменологической парадигмы исследования послужил более полному пониманию содержания процесса политической социализации личности.

Принцип авторского подхода к рассмотрению политической социализации личности строится на идеографических методах, основывающихся на идее «понимающей» науки как способа «переживания» реальности. Подчеркивается неправомерность изучения личности и общества с позиции номотетических методов, берущих за основу принцип объяснения как процедуру отнесения происходящих в социальной среде процессов к внешним причинам. Подобные методологические установки ведут к редукционизму, сведению многозначной реальности к одномерному детерминизму. Парадигма понимания предполагает обращение к внутреннему выбору действующего лица, способного в рамках одних и тех же обстоятельств поступать по-разному, руководствуясь при этом собственной системой ценностей. Сильная сторона экзистенциалистской этики состоит в выраженном в ней мотиве верности человека своему «Я».

Основанием для осмысления темы политической социализации послужило обращение к положениям Л.С. Яковлева, П. Бергера, П. Бурдье, Э. Гидденса, Т. Лукмана, А. Шюца. Авторский подход строится на основе гипотетического метода, который позволяет рассматривать процесс социализации в контексте пространственной перспективы. Присущий большинству концепций личности в социологии, политической науке и психологии антиисторизм преодолевается обращением диссертанта к положениям И. Пригожина и Н.А. Бердяева. Общая теоретико-методологическая база исследования определена сформулированной автором целевой программой и направленностью научного поиска.

Теоретическая и практическая значимость диссертации определяется активизацией междисциплинарного подхода в рассмотрении различных сфер общественной жизни. Автор осуществляет попытку интеграции политической науки в единую систему знаний о человеке и обществе. Представленное в диссертации концептуальное содержание политической социализации служит расширенному взгляду на природу социального бытия, роль и место человека в мире.

На основе анализа существующих в социологии, политологии, философии концепций личности и общества прослеживается эволюция развития научной мысли. Сформулированные автором теоретико-методологические принципы исследования могут быть включены в контекст современных разработок не только в области политической социализации, но и теории личности в целом.

Содержащиеся в работе положения могут быть использованы в вузах при проведении лекционных и семинарских занятий в рамках курсов политологии и истории политических учений, при составлении программ спецкурсов по политологии, подготовке учебно-методических пособий, составлении планов занятий по теоретической политологии и социологии.

Результаты эмпирических исследований и изложенные в диссертации теоретические выводы могут быть использованы в качестве практического пособия теми структурными образованиями, которые занимаются проблемами воспитания и социализации молодого поколения.

Апробация работы. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, докладывались на заседаниях кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана, на научных семинарах, проводившихся в рамках Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова в периоды с сентября 2003 по январь 2004, и с февраля 2008 по май 2008 годов. Результаты проведенных исследований получили свое отражение в выступлениях на международных научных симпозиумах, конгрессах и конференциях: «Технико-технологические инновации в социокультурной динамике России» (1999), «Реформы в России и мире: компаративный анализ» (1999), «Научно-техническая конференция» (2000), «Технические университеты как центры формирования инженерной элиты XX1 века» (2000), «Этические императивы инженерной деятельности» (2001), «Культура и цивилизация Ш тысячелетия: прогнозы и перспективы» (2001), «Уникальность творчества и технологический универсализм» (2002), «Общество электронных коммуникаций: новые возможности и актуальные проблемы» (2002), «Молодежь и наука–третье тысячелетие» (2002), «Этические императивы общества электронных коммуникаций» (2003), «Интернет – Культура – Этика» (2005), «Шаг в будущее» (2007), «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры» (2007), «Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных наук в технических вузах в современных условиях» (2008).

Основное содержание диссертации отражено в авторских работах общим объемом около 35 печатных листов, из них две монографии, восемь статей в журналах из обязательного списка ВАК. Содержащиеся в диссертации выводы и положения получили свое отражение в лекционных и семинарских занятиях в рамках курса «Политология», в разработке программы спецкурса по теме «Политическая социализация»; в публикациях автора.

Структура диссертации включает введение, четыре главы, состоящие из десяти параграфов, заключение, список литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, дается характеристика степени ее научной разработанности, определяются цель и задачи, теоретико-методологические основания, научная новизна, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Политическая социализация в системе социально-гуманитарного знания» раскрываются особенности технологии организации социально-гуманитарного и естественнонаучного типов знания, состояние и уровень теоретической разработанности темы политической социализации в

системе социально-гуманитарного знания, концептуальное содержание теории политической социализации.

В первом параграфе «Технологические особенности организации социально-гуманитарного знания» рассматриваются вопросы, относящиеся к технологии организации интеллектуального ресурса гуманитарного типа.

Применяемое в диссертации понятие *технология* обозначает внутреннее устройство, строение текста – в широком смысле, – восходящее к уровню организации интеллектуального ресурса.

Научное знание включает в себя – гуманитарное знание, предметом которого выступает внутренний мир человека, понятия, связанные с категорией «личность»; обществознание, которое занимается выявлением закономерностей развития общественной жизни, рассмотрением структурных, функциональных элементов бытия; научно-техническое и естественнонаучное знание. Однако строгих границ между тем, какие дисциплины отнести к обществознанию, а какие к гуманитарному знанию, нет. Такое деление возможно, но оно условно.

В основе гуманитарного типа знания лежат, по мнению диссертанта, представления об «очеловеченной» реальности, составляющей содержание, как внутриличностных, так и социальных структур.

В качестве сильных сторон социально-гуманитарного знания диссертантом выделяются:

лежащая в основе гуманитарной компоненты философия знания, которая способствует развитию образности и масштабности мышления, гибкости воображения, раскрепощенности ума, гармоничному развитию личности;

гуманитарная культура подразумевает под собой некое «высокое», или «высшее» обозначение. В качестве необходимого запрашивания со стороны общества и государства выступает высоко квалифицированный специалист, где профессиональная культура окажется неполноценной, если считать высшим достижением профессионализма профессиональную деятельность;

избыточность гуманитаристики как области бытия знания, и как области познания бытия, по своим возможностям превосходящей любое «знание всех вещей» (Я. Коменский).

К слабым сторонам социально-гуманитарного знания автор относит:

обнаруживающаяся в социально-гуманитарном знании слабость развития принципа конкурентности, что препятствует его росту;

высокий процент отсутствия согласованности в определении ряда научных понятий, частая нагруженность текста творчески-индивидуальными смыслами и терминами, что затрудняет его выраженность;

риск со стороны гуманитарного знания стать знанием абстрактным, что негативно может сказаться на его фактической ценности. В такой ситуации оно оказывается, когда прибегает к работе над аксиологическими категориями (Добро, Истина, Красота), а также на уровне высокого гуманизма;

фактически задействованные в социально-гуманитарное знание механизмы власти. Они определяют меру его свободы, устанавливают социальный заказ, инициируют круг «актуальных» проблем;

гипертрофированность гуманитарной компоненты (особенно в системе образования) в силу приписывания ей чрезмерных возможностей (например, формирование целостного мировосприятия). Если под всесторонним развитием понимать общекультурное развитие, то оно стимулируется образованием как таковым. В остальных случаях понятие *всесторонне* развитой личности может относиться либо к мифологеме, либо к декларации.

Осуществляя сравнение социально-гуманитарного и естественнонаучного типов знания, диссертантом отмечается то, что их объединяет, и то, что их отличает друг от друга.

В отношении наиболее общих черт отмечается.

Стратегичность научной мысли, образующаяся из синтеза оборонительных механизмов, к которым прибегают ученые для отстаивания смысла и значения своей деятельности, с производственной стратегичностью как стремлению к завершению программы производства (написания текста, проведения опыта, эксперимента).

Образность, запечатлеваемая процессом производства научного знания, и представляющая собой ключевое звено научного творчества.

Социальная ценность знания, состоящая в том, что информация, которую производит каждая отрасль знания, выходит за рамки локально-отраслевой, обретает цивилизационную ценность.

Взаимоположенность (т.е. взаимообогащение, взаимопитание) социально-гуманитарного и естественнонаучного типов знания.

Жизненность научных проблем, непосредственно, или косвенно связанных с социальными проблемами.

В отношении отличий социально-гуманитарного и естественнонаучного типов знания отмечается.

Естественнонаучный и социально-гуманитарный типы знания отличаются технологически – естествознание техно-технологично, гуманитарное знание социотехнологично, в силу чего различна структура познания. В гуманитарном типе знания она человекоразмерна, в естествознании – предметноразмерна.

Различен статус закона. По своему строению закон техносообразен, он действует везде и всегда. Имеющие место в социально-гуманитарном знании закономерности законосообразны, но не узаконены.

Различен статус теории. В естествознании она служит концептуализации научного творчества, в социально-гуманитарном знании теория более открыта присоединению к «мифостроительству по части реальности», т.е. теоретизации реальности.

Различна структура научного творчества. Если в естествознании структура научного творчества обращена к собственно научной перспективе, то структура гуманитарного творчества оказывается во власти социальной перспективы.

В отличие от естественнонаучного (математика, физика, химия) и научно-технического (теоретическая механика) знания интеллектуальный продукт гуманитарного знания менее востребован формулой конкуренции. В силу слабой развитости конкурентного начала гуманитарное знание обладает чисто социальной, а не рыночной ценностью.

Содержание любого специализированного знания ведет к возникновению «закрытых» миров (примером может служить мир социалиста).

В качестве выводов отмечается следующее.

Естественнонаучный и социально-гуманитарный блоки научного знания имеют:

во-первых, собственную природу технологической активности. Если в естествознании она определяется техно-технологической направленностью, то в гуманитарном знании социотехнологической (ориентированной на человека, на человеческую ситуацию) перспективой;

во-вторых, собственную природу познавательной активности. Если в естествознании она определяется техническим интересом, то в гуманитарном знании – жизненно сориентированным интересом;

в-третьих, собственное внутреннее строение. В естествознании оно связано с законами развития материального мира, в гуманитарном знании – с действием открытых, человеческих систем;

в-четвертых, собственноуровневую постановку и решение проблемы. Если в естествознании она обусловливается научно ориентированной задачей, то в гуманитарном знании – социально ориентированной программой;

в-пятых, собственную направленность познания. Если в гуманитарном знании центр перспективы – человек, напряженная очеловеченная реальность, то в естествознании - предметная реальность.

Однако, как отмечает диссертант, специфика, разность – еще не причина для противопоставления.

Во-первых, гуманитарная компонента, вне зависимости от типа научного знания, присутствует везде и всегда.

Во-вторых, гуманитарный и естественнонаучный типы знания включены в единую реальность, что служит единству научного знания как такового.

В-третьих, общефилософские вопросы имеют место и в естествознании, на базе чего, например, образовалось целое научное направление – философия науки и техники.

В-четвертых, сближает данные типы научного знания обнаруживающееся в них «отражение», копирование реальности.

В плане соотношения теории и практики, отмечается, что стремление к рациональному объединению теории и практики схематизирует сам принцип такой постановки задачи, поскольку выдвигает на первый план техническую эффективность. Сведение знания к инструментальной ценности обесценивает в нем потенциал и преимущества гуманитарной ценности. Основание науки как

таковой не может сводиться только к рациональному основанию – цели, необходимости, пользе, средству или инструменту их реализации.

Во втором параграфе «Научно-исследовательская организация политической социализации как области социально-гуманитарного знания» диссертантом рассматривается уровень организации проблемы политической социализации в системе социально-гуманитарного знания в соответствии с понятием *стандартизация*, обозначающим типичность, выраженность времени – в широком смысле. Это значит, что в каждый период времени исследование обусловлено определенно-уровневой технологичностью работы над той или иной проблемой.

Политическая социализация, рассматриваемая в политологическом знании в качестве *политической направленности* «общего» процесса социализации, свидетельствует об определенном уровне организации проблемы, который сопровождается следующими показателями.

Во-первых, особенностью, выраженностью, типичностью текущего бытия, накладывающего на творчески-научную мысль образ своего подобия. Учитывая то, что политическая социализация как научная категория возникла в 20 столетии, она возникла уже с заложенной в ней расположенностью сознания, под впечатлением определенного мыслеобраза. Политическая социализация как теоретико-прикладная проблема появляется в ответ на запросы протекающих в стиле 20 столетия процессов институционализации, связанных с изменением структур и изменениями в структурах «институциональной инфраструктуры» (в частности, с эволюцией политических партий, изменением статуса института выборов).

Социальная теория оперирует стандартным для своего времени языком, системой смыслов, а также работающим на уровне сознания образом мира. Образ взятой на вооружение исследователем проблемы изначально застает себя действующим на уровне сознания. Идеальная модель исходит не из абстрактно-идеального образа, а из образно конструирующего сознания.

Теории политической социализации в определенной мере отражают в себе информацию о времени, в котором человек живет. Сопутствующие текущей реальности формы мышления символизируют посредством стереотипизации, идеологизации бытия характер «проблематизации» той или иной проблемы.

В современной отечественной политологии сформировалась следующая исследовательская стратегия: политически социализированной считается такая личность, которая отвечает атрибутам «подлинной», – то есть обусловливаемой целью, задачами, идеалами научной мысли, социализированности. В настоящее время, по наблюдению диссертанта, политическая социализация ставится в непременное условие политической социализации человека правового типа; популярной становится «демократизация» политической социализации, где личностный аспект политической социализации, скорее, вменяется личности (права, свободы личности), нежели составляет подлинную смыслосодержащую структуру личности.

Во-вторых, политическая социализация выступает, прежде всего, формой институционального бытия, что объясняет преобладание структуралистского, функционалистского видения проблемы, и связанные с ним институциональные и нормативные трактовки рассматриваемого процесса. Издержки нормативных, институциональных подходов к политической социализации, как показывает диссертант, неизбежны. Они включены в определенный способ мышления, и олицетворяют очередной этап исторического, социокультурного развития, а также развития научной мысли. Однородность науки состоит в том, что она выступает единым фронтом, образующим интеллектуальный капитал эпохи.

В-третьих, востребованность в моральной, организационной, финансовой поддержке исследовательских инициатив со стороны государства неизбежно ведет к поиску диалога между наукой и властью, где ответом науки выступает требование институционализации, и, в определенной степени, идеологизации социально-гуманитарного (социологического и политологического) знания. Именно такой – институционализированный статус обретают американские концепции политической социализации – концепция политической поддержки, ролевые теории, концепции принятия решений, теории политического участия, модели электорального поведения. В этом, по убеждению диссертанта, состоит причина того, что теория политической социализации поддерживается идеалом политически социализированной как подлинно огосударственной личности.

В-четвертых, отвечающая требованиям системы, общества теоретическая модель политически социализированной личности отличается позиционностью, что накладывает отпечаток на направленность научных исследований в данной области; исследование вступает в отношения по поводу личности. Подобная ситуация объясняет установку на стратегический поиск инструмента адаптации индивида к социально-политической действительности, что характерно для нормативного подхода, намеренно сталкивающего два понятия – то, что есть, и то, что «должно» быть. Подходы к политической социализации с позиции политической системы построены в форме работы над личностью (в виде формирования у человека позитивных установок в отношении политической системы, научения гражданина необходимым политическим ролям, введения индивида в мир политики – правила игры, символы). В системной трактовке политическая социализация представляет собой агентно-институциональный механизм политической системы, который служит необходимой функцией социализации граждан в отношении сферы политического.

В-пятых, устойчивость того или иного прочтения «социализированных» версий реальности объясняется тем, что верх одерживает удобство выбранного пути научного исследования.

Диссертантом раскрываются причины, препятствующие перспективному росту теории политической социализации. Среди таких причин выделяются следующие.

Во-первых, идеальный тип политически социализированной личности, который несет на себе требования системы, запросы общества, относительно

легко помещается в ответ на теорию. Однако, по замечанию диссертанта, за некой «высоко» политически социализированной личностью скрывается лишь частичный идеал личности, где в качестве следствий:

ориентация на «частичного» человека несет на себе «долевое» участие теории в изучении личности;

концепции идеальных типов не способны к постановке самой проблемы личности, т.к. присутствие человека заменяется эталоном присутствия.

Во-вторых, общая направленность исследования процесса политической социализации находит выражение в создании текстов, организованных вокруг упорядоченной шкалы измерения, ориентированной на определенный стандарт, что позволяет выигрывать на доступности уровня сложности. Однако человек ставится в такие условия существования, при которых он способен быть только в теории, или в идеале.

В-третьих, стоящее на защите рациональных соображений научное знание не безупречно. Выработка фундаментальной научной базы невозможна за счет обращения к целевой установке, которая позволяет теоретику вычленять из социального контекста только нужную ему информацию.

В-четвертых, вполне естественная для 50-60-х годов 20 столетия, то есть для начального этапа развития темы политической социализации, тенденция к функционализму устойчиво сохраняется. Такая ситуация объясняется автором тем, что сохраняется общее понимание человека как существа асоциального, но способного стать личностью посредством силы норм, положительных образцов, системы институциональных воздействий.

Уязвимость функциональной схемы раскрывается диссертантом по ряду показателей.

1. Функционалистская парадигма включает в себя не весь функциональный аспект, а лишь отдельные способы поведения человека в конкретизированных научным интересом условиях (чаще всего, в рамках электоральных компаний).

2. Понятие *политического действия*, сводящееся в функционалистской парадигме к конвенциональности происхождения функции, ориентирует на «подсчет» личности, и приватизирует личность к целям и ценностям теории.

3. Функционалистская парадигма восприимчива к несопротивляющейся ей реальности, - т.е. доступной исследователю, обозримой, что далеко не всегда оплачивается позитивной перспективой.

4. Функционалистская парадигма сводит проблему социализации личности в обществе не столько к самой личности, сколько к анализу того, посредством чего индивид становится личностью. Однако, отмечает диссертант, структура личности не организуется за счет дисциплинарной модели, восходящей к официальному истеблишменту.

5. Спонтанное, или не вполне осознаваемое поведение, которое уступает осознанному и сознательному поведению, не может быть названо в полном смысле социализированным. Оно социализировано лишь постольку, поскольку осуществляется в социальной среде.

1893455

6. Установка на функцию ограничивается поиском моделей поведения, что выражает собой условную модель человека-деятеля, который готов копировать предлагаемые ему стандарты. Но общество в качестве открытой системы не исчерпывается сложностью своего внутреннего строения, а человек – не есть функция. В противном случае, общество представляло бы собой не более чем совокупность индивидов.

В-пятых, слабость развития социализационной теории в целом объясняется несостоятельностью перенесенной на нее общепедагогической модели, т.е. тем, что данный процесс рассматривается как взаимодействие социализатора и социализируемого. В итоге, политическая социализация подменяется системой политизированных каналов влияния на человека со стороны институтов, или агентов социализации, в рамках чего предлагаются образцы воспитательных, поведенческих программ. Проблема личности, таким образом, подменяется проблемой по поводу личности.

В-шестых, изучение политизированного бытия сводится к рассмотрению личности как субъекта политических отношений, что также препятствует росту социализационной теории.

В-седьмых, слабо эффективным выступает выбор «привилегированных» систем отсчета, таких, как поведенческий механизм, мотивационный блок.

Обосновываемое автором собственное видение и понимание политической социализации ориентировано на разрешение существующих в данной области проблем и недостатков концептуально-теоретического плана.

В третьем параграфе «Политическая социализация как научная категория» освещается состояние научной разработанности темы политической социализации, связанные с ней проблемы научно-теоретического характера, и определяются пути ее перспективного роста.

Использование понятия *политической роли* для описания политической системы как взаимосвязанной ролевой структуры послужило развитию – в рамках системного анализа политики – представлений о политической социализации как ролевой адаптации человека к политической системе.

В контексте представлений о семейной социализации в рамках культурно-антропологического направления политическая социализация изучается через понятие *власть* как социальный феномен, содержащий в себе образы контакта с политической системой как ролевой политической структурой.

Сторонники бихевиористского направления в политической науке сводят изучение политической социализации к процессу формирования политического поведения граждан, а также адаптации человека к политической системе в манипулятивном духе скиннеровской социальной инженерии.

Несмотря на перевод внимания исследователей с наблюдаемого поведения человека в сфере политики к формам политического мышления, что послужило общепсихологическим разработкам процесса политической социализации в 70-х годах 20 в., функционалистская парадигма, в рамках которой интерес к

политической социализации вызван как к важнейшему механизму поддержания стабильности политической системы, преобладает.

Трактовки политической социализации, изначально разворачивающиеся из статусно-ролевых подходов, в определенном смысле оказались продуктивны в своей изначальной установке, – нет абстрактного индивида, а есть гражданин. За признанием теоретической и практической значимости темы *гражданина*, занимающей одно из центральных мест в американской теории политической социализации, диссертант исходит из неосновательности статусно-ролевого подхода к рассмотрению политической социализации по причине уязвимости функционалистской парадигмы в целом.

В отечественной политической науке тема политической социализации получает свое развитие с 90-х годов 20 века, хотя первые работы появляются в 70-80-х годах.

Активный интерес к изучению проблемы политической социализации в отечественной политико-социологической литературе, наблюдаемый в начале-середине 90-х годов 20 века, демонстрирует следующее. На концептуально-теоретическом уровне осуществляется рассмотрение сущности и содержания политической социализации, механизмов вовлечения личности в политику, роли социальных институтов в процессе политической социализации. В рамках социокультурного направления центральное внимание уделяется выявлению взаимосвязи политической культуры и политической социализации. В рамках теорий политического участия, электорального и политического поведения понятие политической социализации выступает в виде основного источника представлений о социально-политической активности субъекта, и о формах политической активности. Политическая социализация включается в изучение форм нетипичности, выступающих предметом теоретического анализа и поиска путей социальной, воспитательной и идеологической работы.

В качестве препятствий для эффективного развития темы политической социализации в российском политологическом знании автором указывается следующее.

1. Не выработано *выраженного* понимания политической социализации, в силу чего отсутствуют – четкий образ политической социализации как научной категории, и определенность относящегося к ней категориального аппарата.

Нет должной определенности в существенных вопросах (в конкретизации, и сравнительном анализе ряда специализированных категорий – «политическая социализация», «социализация», «политизация», (политическая) «адаптация», (политическое) «воспитание»).

Слабая очерченность понятия политической социализации объясняется и чрезмерной объемностью относимых к нему, и соотносимых с ним процессов. В область политической социализации помещаются формы политического участия, политического и электорального поведения, политической активности, политической деятельности, процессы принятия решений, вопросы психологии

личности, политической педагогики, политической культуры, политического сознания, политического лидерства.

2. Слабость развертывания в отечественной политической науке научного дискурса вокруг темы политической социализации. В плоскости *определений* политической социализации прослеживается своего рода общность различий, объединенных *адаптивным* смыслом *системных* интерпретаций процесса, распадаемого на:

структурно-функциональный (связывается с выполнением политических ролей и функций);

политико-культурный (выявляется взаимосвязь политической культуры и политической социализации);

политико-деловой (акцентируется система отношений между личностью и властью) аспекты.

Диссертант критически оценивает определения процесса политической социализации, суммарный обзор которых включает в себя лишь то, что имеет отношение к политике. Привязка к политике в определениях политической социализации находит свое обоснование, но она оставляет неразрешенным вопрос относительно разграничения понятий «политизация» и «политическая социализация».

Диссертантом отмечается, что категория политической социализации, чаще всего воспринимаемая в виде придатка «общего» процесса социализации, адресуется к социализации человека в сфере политики, и в результате проблема политической социализации подменяется проблемой «личность и политика».

В диссертации отмечается, что имеет место и понимание политической социализации в воспитательно-педагогическом аспекте, что ведет к подмене понятий «политическая социализация» и «политическое воспитание».

3. Создаваемые модели и образцы в теории политической социализации адаптированы, прежде всего, к своим национальным условиям. Перенесенные на российскую почву западные модели политической социализации объективно в плане национальных и культурных особенностей нашей страны не вполне, и не всегда пригодны.

В целом, диссертантом подчеркивается односторонняя направленность научных исследований в области политической социализации, которая лишает процесс познания полноты.

Необходимым для понимания социализации выступает, по убеждению диссертанта, понятие *пространство*, соотносимое с понятиями *пространство бытия*, или – *пространство жизненного мира*. Понятие *пространство* в гуманитарном понимании есть, прежде всего, не физическая, а очеловеченная категория.

Пространство *социализации* определяется способностью открытых систем – человека, общества – к саморегуляции, самоорганизации и саморазвитию. Пространство *социализации личности* включено диссертантом в категории *личностного* и *жизненного* пространств, разворачивающихся из человеческого

потенциала. Личностное пространство охватывает собой адаптированный к себе, накопленный, освоенный житейский опыт. То, что не входит в личностное пространство индивида, им – не социализировано. Жизненное пространство связано с будущим, с возможностью, которая реализуется человеком за счет присвоения значимых сторон пространства, и превращения их в личностное.

Пространство социализации личности выражено процессом развертывания человеческого потенциала, который содержит в себе адаптивный и творческий потенциал. Социализация личности связана не со всей общественной жизнью, а с охваченной этой личностью реальностью, которая составляет *содержание* внутренней структуры личности. Личностно-жизненное пространство, поэтому, не тождественно пространству жизненного мира.

Социализация личности – есть процесс организации внутриличностных структур: не бытие организуется вокруг человека, а человек организует в себе бытие. *Содержательно*, для конкретно взятого человека социализированная реальность – это реальность, которая включена в личностное пространство.

По *строению* организация внутриличностных структур технологична, что прослеживается на примере идеологизации (которая может быть выражена, и политически, и не политически) внутриличностных структур.

С позиции социально-биологического развития индивида стадийность идеологизации внутриличностных структур прослеживается в становлении и развитии социальной и политической самости. С социально-исторических позиций наблюдается эволюция и смена форм идеологизации по мере смены различных исторических эпох.

Политическая социализация рассматривается автором применительно к бытию человека политического как исторически сложившегося типа личности. Предпосылкой к формированию человека политического диссертант считает складывание политико-правовых принципов организации жизни, связанных с историей развития системы властных отношений, построения иерархической структуры отношений. Результатом формирования человека политического выступает огосударствление бытия в виде появления устойчивых признаков государственности – рационализированных и идеологизированных в своем родовом понятии.

Вывод диссертанта заключается в том, что политическая социализация основана на *технологии* присутствия, которая принимает на себя зависимость от категорий жизненных восприятий, структуры жизненных смыслов, системы ценностей, в целом, от состояния мысли и духа эпохи. В этом видится ключевое отличие политической социализации от политизации, которая основывается на *ситуации* присутствия, отражает рефлексию человеком своего положения в политическом, правовом пространствах.

В авторском понимании *политическая социализация* есть *развертывание политизации в ориентации на социализацию человека политического*. Такой подход можно считать, как альтернативой, так и снятием научно-теоретических

проблем, порожденных подходами структуралистского, функционалистского типов.

Во второй главе «Человек в контексте социализационного анализа» социализация рассматривается в рамках единой для теории личности системах «человек-человек», «человек-общество», «человек-техника», актуализируется проблема диалога в сфере социальных, информационных, коммуникативных систем.

В первом параграфе «Человек в пространстве социализации: изменение, адаптация, отчуждение» человек рассматривается диссертантом как политико-социологическая категория применительно к бытию «частичной» личности, характеристика которой обосновывается следующей логикой рассуждений. С одной стороны, человек сохраняет за собой «свою» реальность. Она восходит к направленности жизненной активности индивида, обусловливаемой характером специализации, условиями жизни, социально-психологическими склонностями, генетической предрасположенностью. С другой стороны, человек и реальность связаны между собой технологически, поскольку вхождению человека в жизнь сопутствует достигнутый уровень культуры и цивилизации.

Обоснование технологической совместимости человека и окружающего его мира прослеживается по мере движения как очередности смены состояний, включающей в себя формы развития и изменения, где развитие обусловлено процессом качественных изменений чего-либо, а также процессом накопления изменчивости, а изменение предполагает появление чего-то нового. Понятие изменчивости рассматривается в качестве состояния движения, связанного с поступательностью развертывания жизненных потоков.

Рассуждения автора восходят к идеям Мэн-цзы, Сунь-цзы, Клаузевица, Гуйгу-цзы, Лао-цзы, характерным для которых выступает отказ от принципа противопоставления человека миру. Человек не ощущает на себе «встречи» с изменениями, так как он открывается новому опыту (тенденции, перспективе) посредством синхронизированной структуризации его самого и мира. Человек не может рассматриваться отдельно от тех условий, в которых он пребывает. Эти условия выступают как изначальные для развития личности, которая социализируется в рамках структурированной, технологически организованной, упорядоченной социальной среды. Обладая типичными для своего времени характеристиками, «модели» личности построены по принципу серийности.

С точки зрения *проблемы личности*, реальность озадачивает человека собственным присутствием (присутствие – в авторском контексте – все то, что окружает человека), на фоне чего разыгрываются сценарии внутриличностных напряженностей, порожденных тем, что человек не лишен ни противоречивых, ни сложных и неоднозначных отношений с окружающим его миром.

Отношения в системе «человек-техника» сосредотачивают в себе проблему «догоняющего» развития адаптационных процессов. Диссертантом на примере зарождающегося машинного производства актуализируются выводы о том, что темпы распространения инноваций (как правило, но не обязательно в области

техники) опережают темпы их усвоения, что и порождает психологическую напряженность между человеком и (технической) реальностью.

Ограничить процесс социализации процессом адаптации человека к миру, по мнению диссертанта, допустимо, но не обоснованно.

Во-первых, процессы социализации и адаптации отличаются по своей сущности: адаптация связана с задачей соответствия (чему-либо); социализация основана на принципе соответствия, и несет в себе генетический код человека как общественного существа.

Во-вторых, использование понятия *адаптация* требует различения таких понятий, как *адаптивный потенциал*, *состояние адаптивности*, которое имеет отношение к настоящему и будущему, *процесс адаптации*, подразумевающий соотнесенность только с будущим.

Правомерность адаптивного понимания процесса социализации видится автором в следующем.

С культурно-исторических позиций человек изначально адаптивен, так как индивидуальное сознание реализует себя через социальную и историческую память, которая хранится в культуре, в опыте преемственности поколений.

С точки зрения индивида, человеческий потенциал, включающий в себя адаптивный и творческий потенциал, адаптивен постольку, поскольку он не опережает временное развитие, а содействует ему.

Человек использует реальность как источник адаптивного и творческого потенциала. Творческая функция принимает на себя тенденцию времени, в силу чего реализация творческого потенциала адаптивно служит процессу развития и обновления. В этом смысле человек рассматривается в работе как величина потенциально избыточная, то есть сохраняющая за собой возможности богаче и разнообразнее тех, которые использует, а индивидуальность отдельно взятого лица проявляется в том, что оно определяет специфику изменений.

Исходной посылкой выступает понимание диссертантом социализации как пространства открытой перспективы, развертывания человеческих ресурсов. Под адаптивным потенциалом понимается освоение мира на базе человека-пользователя, который пользуется накопленным (до него, без него) опытом. Социализированный творческим потенциалом опыт – это и есть капитал, составляющий достояние личности. Адаптивный потенциал соединяет в себе состояние адаптивности с потенциалом возможных изменений, к которым еще предстоит адаптироваться человеку. Способность человека к принятию на себя изменчивости ориентирует на обогащение адаптивного потенциала творческим потенциалом.

Специальное внимание уделяется в работе различению понятий *адаптация* и *приспособление*.

Адаптивное понимание человека как социального существа не может быть выведено ни из функции, ни из стратегий человеческого поведения, поскольку адаптивные модели не тождественны приспособительным стратегиям, чему дается объяснение. Во-первых, уровень функциональной сложности открытых

систем определяется не сложностью строения, а богатством функций. Здесь приспособительные стратегии оказываются простым механическим перебором альтернатив, скрывающим в себе органику адаптивности, которая не может считаться категорией социализированной. Во-вторых, стратегии человеческого поведения не отражают с необходимой точностью процессы, происходящие во внутренней структуре личности, так как выбор стратегии зависит от ситуации, которая заставляет действовать соответствующим образом.

С социальных позиций, человек не приспосабливает себя к меняющейся реальности, поскольку он сам уже адаптирован к непрерывности развертывания жизненных потоков.

Адаптация к изменяющимся условиям жизни направлена на избыточную во всех отношениях ситуацию. Речь, поэтому, должна идти об обогащенности адаптивных моделей, где сведение адаптации к простому принятию человеком существующего порядка вещей отражает маргинальный, т.е. потенциально не обогащенный тип личности.

Личность ценна не в силу собственной способности к реализации функции, а потенциальным разнообразием, и адаптивных, и творческих возможностей. Динамика изменчивости предъявляет задаче адаптации требования, выходящие за рамки перебора приспособительных альтернатив.

Адаптация, как правило, отождествляемая с приспособлением человека к окружающей действительности, и дезадаптация, связываемая с социальным отчуждением индивида, противопоставляются друг другу. Такая установка, по мнению автора, скрывает под собой определенное идеологическое основание. Феномен отчуждения оказывается удобной идеологической формой, в которую отливаются настроения протеста, разочарования, отчаяния.

На социальном уровне состояния отчужденности отражают не результат социальных взаимодействий, а тенденцию, стремящуюся к ресурсной величине с наибольшим запасом прочности и надежности. Отсюда диссертант объясняет феномен политического отчуждения собственно девальвацией политических институтов, в частности, политических партий.

На уровне личности феномен политического отчуждения, выражающийся в отчужденном отношении граждан к процедуре демократических выборов, в снижении интереса к политике объясняется тем, что личность ощущает свой потенциал (политической) отчужденности достаточным. Фиксируемый сегодня в большинстве стран мира феномен политического отчуждения символизирует собой эпоху со свойственными ей характеристиками.

Во втором параграфе «Проблема диалога в системе «человек-человек» диссертант не ограничивает понятие диалога системой социальных отношений и взаимодействий, а связывает его:

а) с пониманием бытия как диалогично организованного образования;

б) с образом контакта в системах «человек-человек», «человек-машина», «человек-природа».

Информационное пространство понимается автором как пространство, не имеющее собственного содержания. Такая позиция аргументируется тем, что каждая из областей пространства жизненного мира – информационна, имеет собственное содержание. Информация выражена структурным многообразием смыслов, а информационное пространство – их потенциальной избыточностью, что и играет решающую роль в процессе социализации. Развертывание смысла соответствует «живому процессу опыта», и все смысловые значения возникают из «горизонта» (Э. Гуссерль), к которому они движутся.

Вопросы, связанные с понятием диалога, диссертант рассматривает, как на уровне социализации личности, так и общества. С точки зрения социализации личности как процесса развертывания личностно-жизненного пространства, отмечается следующее.

Во-первых, структура личности социально-информационная. Она имеет выраженную направленность, которая и определяет содержание внутренней структуры личности. Человек социализирует не случайный набор информации, а приближенный к себе слой информационной активности. Поэтому не все то, что воспринимается и усваивается человеком, преобразуется в содержание его внутренней структуры. Информация как таковая не осуществляет движение в отношении человека, напротив, человек осуществляет движение в отношении нее. Данные положения обусловливаются специализацией, индивидуальными склонностями, которые определяют направленность и специфику содержания структуры личности. Человек, таким образом, социализируется, располагая себя к определенному типу (типам) социальной и информационной активности, на основании чего диссертант выдвигает предположение, что социальная среда формирует человека лишь в условном понимании; наиболее верным было бы сказать, что человек использует социальную среду, вынося из нее для себя то, что оказывает ему в поддержке. Человек формируется за счет социальной среды, которая служит для него формирующей, поддерживающей средой.

В коммуникативном пространстве источником отчуждения между людьми выступает отчуждение в отношениях между информационными структурами личности, что влечет за собой глобальную проблему. Человек все реже находит в социальном окружении людей с близким ему по смыслу содержанием, в чем состоит феномен глобального социального отчуждения.

Во-вторых, смысл – достояние личности. Он социализируется в личностно-жизненном пространстве. Содержащееся в информационно-коммуникативном пространстве разнообразие, потенциальное богатство смыслов лишает единства механизмы согласования между людьми. Уединенность, индивидуальность, и, отсюда, закрытость вкладываемого в содержание информации смысла образует диссоциацию смыслов не только между представителями разных поколений, но и между представителями одного поколения.

В-третьих, ценность личности состоит в том, что она выступает носителем (или потенциальным носителем) компетентного знания. Понятие *закрытости* личности имеет отношение к ее закрытости как источнику социализированной

информационной активности и перспективы. При этом диссертант отмечает, что информация как таковая не может быть закрыта. Она открыта (доступна, понятна) не для всех. Информационные потоки содержат в себе собственный раздел жизни, и каждый из этих разделов объединяет внутри себя близкую к себе систему информационных комплексов, посредством чего осуществляется поддержание ценности и специфики информации. Специализированное знание отчуждается в пользу складывающейся в отношении этого знания перспективы.

В-четвертых, мир представляет собой ресурсную величину, открытую к развертыванию личности. Человек нуждается в питательной (для себя) среде. В этом смысле социализация личности немыслима вне ресурсного присутствия Другого, т.е. того, кто способствует развитию собственного «я». Ценность Другого определяется не просто содержащимся в нем опытом, знанием, а избыточностью, поэтому в качестве такового выступают, скорее, не сверстники, находящиеся примерно на одном уровне развития, а родители (или прочие старшие родственники) по отношению к ребенку.

С точки зрения социализации общества отмечается следующее.

Социально-информационная структура личности дает нам представление о времени, в котором человек живет, поскольку содержание структуры личности состоит не просто из совокупности обретаемой индивидом информации, а из разворачивающегося в нем бытия социальной информации, передающей через себя атмосферу текущей реальности.

Структура личности социально-информационная, а человек – это носитель социальной информации, которая в каждый период времени отличается своей стандартизацией, символизирующей строение бытия мысли. Это и позволяет осуществлять диалог между людьми, поколениями. Индивидуально-творческий характер производства смысла здесь уступает социальному, а бытие частной личности подчиняется технологическому вектору развития реальности.

Автором обосновывается положение, что именно структурированность пространства жизненного мира позволяет осуществлять совместный, внутренне не противоречивый диалог. Изменения, происходящие в культуре, в структуре социальных языков происходят одновременно, и в соответствии с изменениями в самом человеке, за счет чего диалог людей, содержащий внутри себя язык времени, оказывается единым.

Каждое временное развитие отличается выраженностью, что обеспечивает единство существующих внутри него различий. Все имеющиеся в обществе различия объединены типичной для своего времени выраженностью. В каждый период времени стандартизации подвергается не только порядок организации инфосферы, но и специфика типа личности, проявляющаяся в однородности структуризации.

Как показывает история, информационные комплексы, по мере эволюции человечества, обладают тенденцией к своей дифференциации и усложнению. В традиционном обществе информация отличалась относительно невысокой

концентрацией сложности. Она заключала в себе более или менее доступные для всех смысловые кодификации.

Однако освоение человеком мира не становится для него менее, или более сложным, так как бытие не бывает, ни «простым», ни «сложным». На каждом этапе своего развития, как отдельно взятого человека, так и человечества имеют место свои трудности. Не существует изначально простого решения проблемы; поначалу оно кажется сложным.

В третьей главе «Политическая социализация: бытие человека политического» политическая социализация рассматривается в виде социально-исторического феномена. Освещается логика становления и развития человека политического, обосновываются принципы и формы организации его бытия, раскрывается динамика развития структуры политической самости, эволюция процессов микро-средовой и макро-средовой идентификации личности.

В первом параграфе «Природа человека политического» осуществляется рассмотрение понятия, а также предыстории становления и эволюции человека политического. Политическая социализация представлена автором в социально-историческом контексте опытом становления и развертывания бытия человека политического. Формирование человека политического лежит в предыстории его становления, которая раскрывается в следующем порядке.

1. В переходе от органического к социальному жизнеустройству, которое выходит за рамки природного состояния, и символизирует собой образование социализированной социальности.

Диссертантом отмечается, что в основе социальности могут лежать, как социальные, так и природные принципы регуляции отношений внутри группы. Строгое распределение функций имеет место и у высокоразвитых организмов, например, у муравьев, объединенных в иерархически сложную биологическую организацию. Питекантропы, символизировавшие собой появление человека прямоходящего (Homo erectus), осуществляли дифференциацию функций в соответствии с естественными возможностями (более сильные добывали пищу, более слабые – поддерживали огонь).

В процессе исторического развития социальность эволюционировала от природной к социализированной социальности, что сопровождалось переходом от приспособления в естественной среде обитания к творческому характеру производства в искусственной, то есть создаваемой человеком, среде.

С появлением человека разумного (Homo sapiens) система доминирования, действующая по принципу «сильный-слабый», и выражающаяся в господстве доминирующих самцов в процессе воспроизводства, сменяется механизмом регулирования (появляются запреты, нормы).

Система социальных отношений, складывающаяся в первобытном стаде в виде передачи трудового опыта от старших к младшим, получила свое развитие в классификации родственных связей и складывании коллективной жизни (в отличие от обособленности стадных образований) в родовой общине.

2. В переходе от монологичности бытия человека умелого к диалогичности бытия человека разумного. Этот переход связывается диссертантом с понятием *роль*, как понятием, организующим посредством себя диалогично направленное бытие, включенное в игровое пространство. Диалогичность бытия рождается из надстройки над горизонтальным диалогом вертикального диалога, который упорядочивается иерархической структурой отношений.

Специализация функций, и, позже – ролей, послужила диалогичности бытия, напрямую связанной с понятием *система*. Предпосылкой к зарождению политических отношений послужило складывание органов родоплеменной власти наряду со специализацией (а не просто дифференциацией) функций (но еще – не ролей). В отличие от функций, роль подразумевает под собой статус, который определяет положение человека в общественной системе. Процессы принятия решений, распределение ресурсов (продуктов питания), разрешение внутриобщинных противоречий возлагались на старейшин (в общине), на совет старейшин, на вождей (военных руководителей) в племени. Однако в родовом строе функции руководства и управления еще не сложились в самостоятельный институт, легализующий властные полномочия, несмотря на наличие обратных связей (управление в обмен на добровольное подчинение).

3. В переходе от семейно-родовых принципов организации жизненного устройства к политико-правовым, когда ритуально-нормативные отношения сменяются правовой регуляцией. Данный переход связывается с установлением вертикального диалога, рационализирующего собой пространство жизненного мира.

Соглашение, договор, конвенция, наблюдавшиеся уже в родоплеменной власти, символизируют рационализировавшиеся в коллективном творчестве отношения, ориентированные на создание определенной модели жизненного устройства. Со времен складывания вертикального диалога, и связанной с ним рационализации бытия берет свое начало феномен *игрового пространства*, влекущего за собой переход от механики отношений (функции) к складыванию деловых отношений. В нем положение человека определяется структурой игры, которая выражается волей к деловому решению проблемы.

4. В переходе от мифопоэтической к рационально-идеологической картине восприятия мира. Этот переход связан с институционализацией пространства бытия.

По мере развития истории, на смену мифологическому типу мышления приходит рационально-идеологическое, что наглядно наблюдается на примере эволюции языка, когда метафорические образы вытесняются предметными. В отличие от мифологического мышления, где в основе лежит эмоционально окрашенное восприятие мира, идеологическое мышление системно по своей сущности. Цивилизация являет собой системную упорядоченность, в отличие от функциональной упорядоченности в первобытных сообществах, хотя везде имеет место структурная организация. Процесс перехода от мифологического к рационально-идеологическому типу сознания непосредственно был связан с

процессом огосударствения бытия, и как результат – формированием человека политического.

Человек политический понимается и рассматривается диссертантом как базовый, – т.е. исторически сложившийся, тип личности, идеологизированный в своем развитии. Такое понимание связано с построением следующей логики научно-теоретических рассуждений.

Идеологическое пространство включено в такие понятия, как *идеология* и *идеологизация*. Идеология понимается как некая модель, входящая в контекст официального текста, где функции формирования идеологических доктрин и распространения идеологической экспансии несет на себе специализированный аппарат элитарных кругов. Идеологизация, в отличие от идеологии, не имеет специализированного представительства, и относится к сфере общественного сознания.

Идеологизация может быть выражена, и политически, и не политически. Политическое пространство объединяет внутри себя формы политизированной идеологизации, составляющие область политизации общественных отношений. Политизацию диссертант понимает как переменную величину, отражающую рефлексию человеком своего положения в социально-политическом и правовом пространствах, исходя из чего, обосновывается утверждение, что политизация основывается на *ситуации* присутствия, а политическая социализация – на *технологии* присутствия.

Идеологическое пространство представлено в диссертации, прежде всего, областью идеологизации, которая обращена к идеологизированной структуре личности. Характер эпохи выражается в том, какую форму идеологизации эта эпоха принимает, где понятие *нормативного* типа личности, складывающегося в конкретный исторический период времени, используется диссертантом для обоснования прикладного значения теории политической социализации.

Особенности идеологизации, которая проявляется на уровне массового сознания, стилизации бытия наглядно демонстрируют специфику понимания и восприятия человеком основных политических категорий (демократия, свобода, равенство, справедливость, ответственность), характер жизненных восприятий и установок, процессы, происходящие в системе жизненных ценностей людей.

Каждый нормативный тип личности отличается стандартизацией мысли и духа своей эпохи, поэтому в истории научной мысли содержатся различные модели рационализации и экономизации типа личности. В настоящее время человек экономический являет собой образ человека политического рыночного типа.

Анализируемые диссертантом примеры из истории развития человечества дают основания для выводов о том, что человек не может отказаться от того состояния, в котором он пребывает. Это состояние выступает как состояние непрерывной структуризации. Возврат к прошлому невозможен, поскольку «утраченные» состояния не поддаются восстановлению. Феномен технизации человека рассматривается как определенное состояние, в котором пребывает

человек; установление партнерских отношений человека с техникой становится возможным за счет технизации самого человека. Ссылаясь на точное замечание В.В. Розанова, техника, присоединившись к душе, породила техническую душу. Суть такого соединения состоит в том, что речь должна идти о технизации самого человека, где технопространство как область бытия мысли говорит об определенном уровне структуризации человека, основанном на определенных типах мышления и его отношении к миру. Технопространство знаменует собой не просто диалог человека с техникой, а именно диалог технотизированного типа личности с технотизированной культурой эпохи.

Во втором параграфе «Стадийность развития структуры политической самости» понятие политической самости осмысливается в контексте эволюции развития ее социального возраста.

Самость в дословном переводе, - это собственная личность, сам. Согласно М. Хайдеггеру, самость означает само-бытие, т.е. такое сущее, которое может сказать: Я. Ставка на происхождение и развертывание политической самости из семейной социализации, как это принято в классических теориях политической социализации, представляется диссертанту неправомерной, поскольку развитие политической самости, которая развивается с социальной самостью, связано с усложнением структуры самости. В понимании автора, политическая самость не связана непосредственно с политическим заполнением самости. Стадийность развития структуры политической самости прослеживается диссертантом в следующем порядке.

На ранних стадиях развития человека, которые соответствуют начальным стадиям первичного этапа политической социализации, политическая самость определена общевозрастной спецификой, и демонстрирует процесс открытия для себя мира, включение индивида в усложняющуюся для него (по мере естественного расширения ознакомления с миром) систему мира.

В рамках первичного этапа политической социализации развитие самости обусловливается стадийностью биологического взросления, познавательными процессами, деятельностью дошкольных и школьных учреждений, и позволяет иметь более или менее очерченные представления о развитии политической самости детей, хотя данное развитие связано с культурными и национальными особенностями. Но эти особенности не выходят за рамки генеральной модели «детской» политической социализации, которая носит абсолютный характер логики процесса развития и социального положения ребенка.

«Взрослая» самость, соответствующая вторичному этапу политической социализации, отличается переходом от открытия для себя мира к закрытости, которая обусловливается выраженностью личностно-жизненного пространства. Содержательно это проявляется в индивидуализации, субъективации человека. Взросление самости сопровождается ростом ее автономности, которая связана с личностно-жизненной обособленностью.

Освоение человеком пространства жизненного мира на ранних и более поздних стадиях своего социально-биологического взросления технологически различно. Это проявляется в том, что:

- социальность сужается до уровня норм и правил социальной жизни;
- происходит переход от «семейной» идеологизации к идеологизации в лице общества, государства, массового сознания.

В качестве отличий, проводимых между первичным и вторичным этапами политической социализации в изучении динамической структуры политической самости, диссертантом отмечается следующее. Знакомство с миром на ранних стадиях социально-биологического развития индивида переходит в дальнейшем в текстуализацию уже знакомого для него мира. Субъективное восприятие мира становится более «закрытым», а его прочтение содержательно-многосложным. Таким образом, если на начальных стадиях первичного этапа политической социализации преимущественно происходит знакомство человека с миром, то на вторичном этапе – включение в структурную, коммуникативную, игровую сложность мира.

С точки зрения общества, культуры структура самости – социальна. С рождения освоение ребенком мира выступает не просто условием вхождения в общество, а условием организации внутренней структуры человека. С момента рождения политическая самость включается через символ, образ, образец в текущую форму идеологизации, в определенную упорядоченность общества, что обусловливает стереотипизацию самости. С точки зрения общества понятие социализированной личности может рассматриваться в качестве определенным образом нормированной (идеологизированной и мифологизированной душой культуры общества, стереотипами) личности, где речь идет не об отношении человека к норме, а о характеристике нормированной личности. Таким образом, политическая самость характеризуется постепенным восхождением самости, - по мере ее социального и биологического взросления, - к структуре общества, к культуре, к правилам социальной жизни.

В третьем параграфе «Идентификационные пространства личности» понятие идентификации рассматривается на индивидуальном и социальном уровнях. Диссертантом проводится отличие между понятиями *идентификация*, которая имеет отношение к предметному отождествлению – с конкретными социальными и политическими институтами, и *идентичность*, обращенная к тождественности человека эпохе, культуре.

В качестве проблемы личности автором указывается, что принадлежность человека миру не раскрывает переживаемой в личном опыте сопричастности с окружающей человека реальностью.

За ключевую функцию идентификации диссертант принимает *защитную* функцию, призванную «защищать» от распада личности. Защитная функция содержит в себе значимость обратных эффектов для личностно формирующих структур. Наиболее прочными объектами идентификации выступают, поэтому, семейное окружение, профессиональная, близкая по духу социальная среда.

Актуальному рассмотрению подлежит проблема *кризиса* идентификации, свидетельствующая о разрушении функции идентификации, т.е. об утрате тех образов и образцов, которые отличались бы выраженностью в индивидуальном восприятии, служили бы основой для личностно формирующих структур, и надежной социально-психологической защитой личности.

Сложность «переходных» периодов в развитии обществ заключается в слабой выраженности тенденции обновления. Это затрудняет эффективность процессов адаптации и социализации индивида в изменяющихся условиях, где определяющие факторы идентификации утрачивают себя в пользу иной, но еще не сложившейся перспективы.

В качестве «решения» проблемы кризиса идентификации принимаются во внимание два показателя.

Первый – временная изменчивость, где утрата идентификации одного рода восполняется в обмен на рабочую идентификацию в изменяющихся условиях. Отживающие социальные и политические институты сами себя исчерпывают. Они утрачивают идеал своего временного существования.

По проблеме партийной идентификации диссертант указывает следующее. Образование институтов политического представительства изначально было вызвано тем, что они служили поддерживающей средой для личности. Сегодня политические роли, в частности, роль избирателя утрачивает, как показывает мировая практика, ценностное и символическое значение. Снижение статуса роли избирателя объясняется тем, что она оказывается недостаточно ресурсной в отношении личности, не способна служить для личности поддерживающей средой. Вместе с тем, как указывает диссертант, изменениям в сфере партийной идентификации послужила не просто смена политических ориентаций, а смена адресности жизненных установок, символизирующая собой характер эпохи.

Второй – виртуальная идентификация, символизирующая деконструкцию образов в индивидуальном восприятии, и связанная с присвоением реальности недостающих элементов. Виртуальная идентификация призвана восполнить образующиеся в сфере индивидуального восприятия дефициты, хотя она не способствует установлению полноценного диалога внутреннего мира человека с внешним миром.

Воспоминание о былом как об «утраченном» состоянии сопровождает с собой утрату «позитивной» идентификации. Отсюда кризис идентификации связывается с утратой позитивных представлений. Временные изменения несут в себе переживание утраченных состояний – идеалов, ценностей, что приводит к ситуации, определяемой как «кризис» идентификации.

Разделяя идеи Э. Эриксона, диссертант рассматривает понятие *кризис* в контексте представлений о развитии, выделяя в нем момент изменения, а не катастрофу. Кризис идентификации личности может разрешиться путем новых идентификаций. Он преодолевается за счет обращения к избыточной во всех отношениях ситуации.

С точки зрения социально-биологического взросления человека отмечается следующее.

Во-первых, поступательное развитие личности содержит в себе переход от восприятия «образов контакта» (в качестве которых выступают родители) – на стадии семейной социализации, к непосредственному восприятию человеком мира. Данные американских исследований, проведенных на базе учащихся младших классов, показали, что более половины детей отождествляют себя с той или иной политической партией, но следуя базовым установкам своих родителей как самых близких и значимых для ребенка людей. С этих позиций речь может идти не об идентификации, а о восприятии идентификации. Отсюда разновозрастную идентификацию можно понимать как разноуровневую.

Во-вторых, на стадии семейной социализации ребенок преимущественно стеснен микро-присутствием. Социальное взросление человека сопровождается знакомством с символами и образами «внешней» среды, формируется макро-идентичность.

На уровне общества пространство идентификации осмысливается автором в следующем порядке.

а) Расширение пространства жизненного мира, связываемое с переходом от человеческого стада, племени, общины к складыванию государственности, послужило формированию макросредовой идентификации, в рамках которой человек ощущает собственную принадлежность к более широким социальным образованиям. Формируется макроидентичность: в социальном пространстве – сословная, классовая; в политико-идеологическом пространстве – партийная, «патриотическая» (Ю. Хабермас), идеологическая; в пространстве культуры – национальная, расовая идентификация. Расширение непосредственной среды обитания человека до структур более высокого уровня (классы, государство) порождало и усложнение структуры личности.

б) Изменения в технологиях организации человеческого бытия привели к изменениям в сфере идентификации и идентичности. На примере эволюции системы семейных отношений, прошедшей путь от родоплеменных союзов до современного понимания семьи, прослеживаются структурно-технологические изменения в микросредовой – семейной – идентификации. На макроуровне в настоящее время вправе говорить о технической идентичности, которая связана с эволюцией представлений человека о себе и мире.

В четвертой главе «Политическая социализация российской молодежи» рассматривается понятие молодежи как социально-демографической группы, осуществляется анализ понятия *поколение*, освещаются проблемы, связанные с политической социализацией современной российской студенческой молодежи.

В первом параграфе «Молодежь как социально-демографическая группа» актуализируются на концептуально-теоретическом уровне вопросы молодежи и молодого поколения, излагается авторское понимание понятия *поколение*.

Первоначально концепции молодежи появились в начале 20 столетия в США, в Германии, в России. Развитие получили три основных направления в осмыслении феномена *молодежь*:

изучение молодежи с точки зрения психофизических свойств молодости;

понимание молодежи как особой социокультурной группы;

рассмотрение молодежи в качестве субъекта процесса преемственности и смены поколений.

Серьезные теоретические разработки по проблемам молодежи в 60-х годах 20 в. принадлежат видным ученым, таким, как К. Маннгейм, Ш. Эйзенштадт, Г. Маркузе, М. Мид, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Э. Эриксон. В ряде стран создавались научно-исследовательские институты по проблемам молодежи. Их возглавляли крупные ученые, выдвинувшие фундаментальные теоретические концепции, - П.-Э. Митев, О. Бэдина, В. Фридрих. В СССР концептуализация молодежной проблематики отражалась в трудах И.С. Кона, С.Н. Иконниковой, В.Н. Шубкина, В.Т. Лисовского, М.Х. Титмы, Ф.Р. Филиппова.

Особого внимания заслуживает гуманистическая концепция молодежи И.М. Ильинского, где акцент сделан на самоорганизации, самореализации и самовыражении молодых людей. Основополагающим моментом в концепции И.М. Ильинского выступает идея субъектности молодежи. Близкая позиция обнаруживается в трудах П.-Э. Митева, М. Карвата, В. Миляновского.

Ситуация в области исследования молодежи свидетельствует о том, что целостного представления о молодежи еще не сложилось. В разное время оно толковалось, исходя из текущих условий развития общества и государства, продолжительности жизни людей, и периода, необходимого для социальной адаптации личности.

Понятие *молодежь*, приложимое к социально-демографической группе, появилось в Европе в 18 веке, а в России – на рубеже 19–20 веков. В рамках дискуссий 60–80-х годов 20 в. сформировалось понятие о молодежи как характерной социально-демографической группе по следующим критериям: возрастные границы, социальные функции, социальное положение, социально-психологические особенности.

В советском обществознании господствовала трактовка молодежи как монолитного целого. В исследованиях молодежи акцент делался на выявлении всеобщности целей социальных групп, которые представляли портрет молодого поколения. С начала 90-х годов 20 века утверждается понятие «российская молодежь», активно изучаются имеющие место в молодежной среде факторы дифференциации, обусловленные происходящими в российском обществе изменениями. Актуальной остается проблема целостного подхода к изучению молодого поколения как органического субъекта развития общества. Именно такой подход отличает ряд крупных работ, вышедших в 90-е годы 20 столетия. В них молодежь рассматривается как социально-демографическая группа с типичными для нее возрастными параметрами, социально-психологическими

свойствами, социальными ценностями, обусловливаемыми уровнем социально-экономического и культурного развития российского общества.

Среди признаков целостности молодежи выделяются:

- возрастные границы. Общепринятые для российской действительности границы рассматриваемой социальной группы определены в интервале от 17 до 29 лет, включающем в себя две подгруппы: собственно молодежь – 17-24 года, и молодые взрослые – 25-29 лет;
- социально-психологические особенности;
- специфика социального статуса, ролевых функций, поведения;
- самобытность и индивидуальность молодежи.

Специальное место в исследованиях молодежи занимают вопросы диалога и преемственности поколений, особенно в обществах «переходного» типа. В социологии молодежи актуальна проблема «конфликта» поколений.

В исследованиях проблем молодежи имеет место, как отмечает диссертант, чрезмерная спецификация молодого поколения, отражающаяся в приписывании молодежи присущих только ей черт. В исследованиях в области политической социализации молодежи, молодежным группам отводится роль собственников присущих им социальных и политических характеристик. Подобный подход неправомерен по ряду причин.

1. Каждое поколение будущего потенциально несет в себе определенную специфику. Однако поколение будущего – это не обязательно последующее возрастное поколение, и не обязательно из представителей одной возрастной категории.

2. За приписыванием конкретной возрастной категории специфических, присущих только ей черт утрачивается образ времени в целом, сбрасывается со счетов складывающаяся во времени тенденция и направленность социального развития. Нельзя рассматривать специфику конкретной социальной группы как исходящую только от нее специфику, поскольку она несет в себе и отражает особенности времени, характер общественного развития.

3. Изменения, происходящие в структуре ценностей молодого поколения, неотделимы от изменений, которые имеют место в структуре ценностей всего общества.

Поколение – это не столько социально-демографическая группа, сколько социальный ресурс.

Во-первых, строгое разделение процесса взросления человека на этапы, определяемые границами детства, юности, молодости, не способно выступать критерием социальной зрелости индивида. Границы достижения личностью социальной зрелости не ограничиваются рамками биологического роста.

Во-вторых, демографическое понимание поколения недостаточно, так как поколения различаются не столько возрастом, сколько своим призванием, а близкая по структуре система ценностей может быть у представителей разных возрастных групп.

В-третьих, молодежные проблемы – это проблемы, возникающие перед социальными, а не возрастными группами.

В-четвертых, возникающие между поколениями разногласия имеют не столько возрастную, сколько социальную природу.

Поколение – это категория не столько возрастная, сколько ресурсная. Все, кто сближается друг с другом по тем или иным ключевым критериям, могут быть отнесены к представителям одного поколения. В каждый период времени разворачивающаяся на уровне жизненной активности ресурсная величина с наибольшим запасом прочности и надежности определяет направленность движения изменчивости, в рамках которой движение различий попадает в единый вектор смещения. Новые поколения символизируют собой и новую эпоху. «Компьютерные» поколения – символическое понятие, объединяющее вокруг себя не конкретные социально-демографические группы, а всех, кто имеет отношение к массовой компьютерной грамотности.

Во втором параграфе «Особенности политической социализации старшеклассников и студенческой молодежи» рассматриваются вопросы, связанные с характером политизации, социально-политической активности, социального самочувствия молодых российских граждан, и идеологизации их политического сознания.

Процесс политической социализации связан с политико-идеологическими, социальными, экономическими, социокультурными факторами и условиями, в которых пребывает человек, и которые влияют на характер его социально-политических качеств. Опираясь на результаты социологических исследований, проводимых диссертантом на базе студенческих групп МГТУ им. Н.Э. Баумана, выпускников – учащихся 11-х классов средних общеобразовательных школ г. Москвы, а также на опыт социологии российской молодежи, формулируются соответствующие положения и выводы.

Организация исследовательских процедур осуществлялась диссертантом в следующей последовательности.

1. В отношении сферы образования.

Социологические исследования начала 1990-х годов отражали достаточно низкие показатели среди молодых россиян социальной значимости и ценности образования при возрастании значения таких факторов, как индивидуальные качества, связи ближайшего социального окружения, престижность учебного заведения. Образование не выступало для большинства молодых российских граждан смысложизненной ценностью. Наблюдалось преобладание отношения к образованию как к инструментальной ценности, то есть как к общественно значимому способу достижения важных социальных и индивидуальных целей, где значительную роль играли не интеллектуальные и профессиональные, а социально-экономические мотивы и установки. Прослеживалась прямая связь падения ценности и социальной значимости образования с оценкой снижения его качества, как в средней, так и в высшей школе.

Сегодня ситуация в отличие от предыдущих лет существенно изменилась. Отмечается рост ценности и социальной значимости образования со стороны студентов, что наглядно проявляется в снижении статуса «просто диплома», в стремлении получить знания исключительно по будущей профессии. Причина таких изменений в оценке роли и ценности образования среди студенческой молодежи видится диссертантом в востребованности в настоящее время в узкоспециализированных и высококвалифицированных специалистах.

В качестве проблемных полей отмечается преобладание среди студентов следующих тенденций.

Несоответствие, по мнению значительного числа молодых людей, ряда включенных в учебный процесс в соответствии с Государственным стандартом дисциплин получаемой ими специальности, а также несоответствие значимости предмета для будущей специальности и количества выделенных на него часов. Данное обстоятельство можно отнести к некомпетентности студентов в данном вопросе, однако, требует своего внимания со стороны учебно-организационных структур вузов.

Неудовлетворенность перегруженностью учебного процесса аудиторными занятиями, что выступает одной из стандартных проблем российской высшей школы.

Ориентированность студентов на введение более эффективных технологий обучения в учебном процессе, признавая, при этом, эффективными лекции и семинарские занятия.

Востребованность студенческой молодежи в более полном обеспечении учебного процесса учебно-методическими пособиями, а также в пополнении библиотечного фонда.

Отмечается достаточно высокая оценка со стороны студентов социально-гуманитарных дисциплин, изучение которых ориентировано на освоение ими гуманитарной культуры, на расширение кругозора человека, формирование гуманистических и гражданских качеств личности будущего специалиста, а также понимание происходящих в стране и в мире социально-политических процессов. Высокие рейтинги получили такие дисциплины, как политология, культурология, социология, история, философия.

2. В отношении социально-политической активности.

Политическая активность российской молодежи интенсивно изучается в рамках избирательных кампаний, электоральных намерений и политического поведения. Тем не менее, вопросы, связанные с функционированием различных политических институтов, затрагивают лежащие на поверхности проявления социально-политической активности.

Наибольшая активность студентов фиксируется в выборных кампаниях федерального уровня. При этом низкий общий уровень участия молодежного электората в выборах диссертант объясняет девальвацией самого института политических выборов, что связывается, как с их количеством (по некоторым оценкам, по России ежегодно проходят около 500 выборов – от выборов

президента до выборов в органы местного самоуправления), так и с оценкой их качества. Молодежь не видит особого смысла в подобных формах участия, поскольку в результате выборов в повседневной жизни большинства населения ничего не улучшается.

Опыт социологических исследований свидетельствует об отчужденности студенческой молодежи от властных структур, источники которой видятся в общей тенденции к концентрации власти в руках элит, в слабой прозрачности процессов принятия решений, в кризисе выборных органов самоуправления. Объяснимо, отсюда, скептическое отношение молодых людей к эффективности участия в политических процессах. По мнению большинства респондентов, рядовой гражданин никак не может влиять на развитие событий в стране.

Концентрация на личных проблемах, отказ молодежи от активной роли в делах общества отмечаются в большинстве исследований последних лет. Но предложение на участие молодежи в местном самоуправлении, из которого она фактически выключена, получает достаточно много сторонников. Данный факт свидетельствует о высоком потенциале участия молодежи в решении местных проблем, который может быть реализован через создание демократических механизмов учета мнения молодых людей и реального партнерства с органами власти в осуществлении местных программ.

3. В отношении социально-психологических установок.

С одной стороны, наблюдается, по сравнению с началом–серединой 90-х годов, снижение «катастрофических» настроений в оценке развития социально-политической ситуации в стране, уменьшение сторонников радикальных акций, рост позитивного отношения к политике. С другой стороны, фиксируется не высокая оценка реализации в нашей стране демократических прав и свобод личности, недоверие основным политическим институтам.

Объяснение таких противоречий видится в:

росте настроений индивидуализма, «уходе» значительной части молодых российских граждан в частную жизнь;

субъективном ощущении молодежью бессмысленности демократических процедур;

образовании в молодежном сознании своеобразной защитной реакции в отношении факторов внешней среды;

установлении, по сравнению с началом-серединой 90-х годов, социально-экономической и политической стабильности в стране.

4. В отношении характера восприятия и установок молодежи в политико-правовом пространстве отмечается:

правовой нигилизм, размытость идеала правовой личности и правового государства. Отмечается лишь формальное выражение приверженности идеалу правовой личности и правового государства, которое не обретает личностно значимой ценности. Право рассматривается только в виде нормы, призванной регулировать отношения в обществе, но не в качестве доминанты личностного поведения;

фактическое отсутствие устойчивости права в сознании молодых людей, вследствие чего в качестве условия своего существования принимается нередко произвол властей, традиция государственно-политического функционирования;

восприятие права в качестве данности, а не возможности, например, в плане развития правовой культуры.

5. В отношении характера восприятия и установок молодежи в политико-идеологическом пространстве отмечается:

оценка демократических прав и свобод с точки зрения канала влияния на власть, что принимает тоталитарные формы.

В период начала-середины 90-х годов в качестве наиболее эффективного канала влияния на власть выступали забастовки, демонстрации, митинги, акции протеста, символизировавшие собой образ борьбы за свои права и свободы. С 1996 года молодыми людьми все выше стали оцениваться выборные кампании, связываемые с президентскими выборами 1996 года. С 1998 года увеличивается число молодых людей, отказывающихся от участия в политических процессах, что связывается с неверием в «пользу» от такого участия.

По мнению диссертанта, представления молодых людей о политической активности, а также о способах политического влияния диктуются не личным опытом, и не собственными размышлениями по этому поводу, а атмосферой времени, и информацией, черпаемой из средств массовой информации;

размытость образа свободы в сознании молодых граждан, и отсутствие четкого понимания ряда демократических свобод – слова, совести, печати на фоне очевидной поддержки развития демократических начал в нашей стране;

восприятие свободы в виде прагматической ценности в потребительском контексте.

Диссертант отмечает, что восприятие в потребительском контексте прав и свобод, то есть в качестве способов их потребления в частных целях, служит своеобразной формой «символического удовлетворения» от «демократии», а также результатом смены адресности в системе жизненных установок в пользу структур повседневности.

В целом в понимании свободы прослеживаются следующие изменения.

В первой половине 90-х годов свобода ассоциировалась с материально-экономической независимостью. Со второй половины 90-х годов понимание свободы становится более политизированным. Такие изменения объясняются ситуацией, преобладавшей в те или иные годы в стране. По общим показателям социально-экономического положения российских граждан ситуация начала 90-х годов была наиболее неблагоприятной по сравнению с последующими годами. Восприятие молодыми людьми свободы как свободы передвижения – наибольшие показатели отмечаются в первой половине 90-х годов – «совпало» с увеличением числа людей, которые хотели бы жить не в России, а в другой стране.

Опыт социологических исследований дает основание для выводов о том, что восприятие и понимание свободы респондентами, и господствующие в

массовом сознании представления о ней взаимосвязаны. Ставшее доминантным прагматическое восприятие мира распространяется на всех, а не на отдельные социокультурные группы, а в сфере электоральных кампаний приписывание ситуации атрибута несостоятельности отражает в себе область идеологизации общественных отношений.

Особенности политической социализации конкретной социальной группы в немалой степени можно рассматривать в рамках особенностей, характерных для общества в целом. И эти особенности выступают в качестве стереотипа, распространяющего свое присутствие на: адресность жизненных восприятий и установок, которая обусловливается, скорее, не мотивацией, а идеологизацией внутриличностных структур; характер отношения к властным структурам и к политике; нравственное и социальное самочувствие.

В заключении оформляются основные результаты и подводятся общие выводы по данному научному исследованию.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Щеглов И.А. Политическая социализация. Теория и методология проблемы: Монография. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2007. – 17,5 п.л.
2. Щеглов И.А. Политическая социализация: человек политический: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 10,0 п.л.
3. Щеглов И.А. Политическая социализация в России // Социально-гуманитарные знания. – 1999. - № 5. – 0,5 п.л.
4. Щеглов И.А. Политическая социализация: студенты технических вузов // Alma mater. – 1999. - № 8. – 0,2 п.л.
5. Щеглов И.А. К проблеме политической социализации студентов технических вузов // Третьи Энгельмейеровские чтения Технико-технологические инновации в социокультурной динамике России: Сб. статей. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1999. – 0,3 п.л.
6. Щеглов И.А. Политическая социализация личности и современный исторический процесс // Социально-гуманитарные знания. – 2000. - № 4. – 0,7 п.л.
7. Щеглов И.А. Студенты МГТУ: ценностные ориентиры и установки // Научно-техническая конференция 170 лет МГТУ им. Н.Э. Баумана: Сб. тезисов. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2000. – Ч.2. – 0,2 п.л.
8. Щеглов И.А. Политическая социализация в России и США // Международная научная конференция Реформы в России и мире: компаративный анализ: Сб. тезисов. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2001. – 0,2 п.л.
9. Щеглов И.А. Социально-политические ориентации студентов технических вузов // Четвертые Энгельмейеровские чтения Технические

университеты как центры формирования инженерной элиты XX1 века: Сб. статей. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2002. – 0,4 п.л.

10. Щеглов И.А. Политика и этика в системе ценностей // Пятые Энгельмейеровские чтения Этические императивы инженерной деятельности: Сб. статей. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека Дубна, 2002. – 0,2 п.л.

11. Щеглов И.А. Политическая социализация как категория политического выбора // Второй Международный конгресс Молодежь и наука – третье тысячелетие: Сб. тезисов. – М.: НТА АПФН, 2002. – Ч.2. – 0,2 п.л.

12. Щеглов И.А. Виртуализация как фактор социализации // Социально-гуманитарные знания. – 2003. - № 5. – 0,5 п.л.

13. Щеглов И.А. Современное информационное пространство и социализация личности // Шестые Энгельмейеровские чтения Общество электронных коммуникаций: новые возможности и актуальные проблемы: Сб. статей. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека Дубна, 2003. – 0,2 п.л.

14. Щеглов И.А. Виртуальные аспекты пространства политической социализации // Четырнадцатая Всероссийская научная конференция Шаг в будущее: Сб. докладов. – М.: НТА АПФН, 2007. – 0,3 п.л.

15. Щеглов И.А. Политическая социализация как научная категория // Социально-гуманитарные знания. – 2007. - № 5. – 0,5 п.л.

16. Щеглов И.А. Проблемы политической социализации в системе власти и властных отношений // Социология власти. – 2007. - № 5. – 0,5 п.л.

17. Черноуцян Н.В., Щеглов И.А. К проблеме политической социализации военнослужащих // Военная мысль. – 2008. - № 7. – 0,5 п.л.

18. Щеглов И.А. Проблема личности в теории политической социализации // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки. – 2008. - № 4. – 0,5 п.л.

19. Щеглов И.А. Человек политический: от мифологизации к идеологизации // Десятый Международный симпозиум Уникальные феномены и универсальные ценности культуры: Сб. статей. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. – 0,2 п.л.

20. Щеглов И.А. Социально-гуманитарная компонента в вузе как фактор политической социализации студентов // Всероссийская научно-методическая конференция Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных наук в технических вузах в современных условиях: Сб. статей. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. – 0,3 п.л.

21. Щеглов И.А. Политическая социализация как область бытия человека политического // Вестник РУДН. Сер. Политология. – 2008. - № 4. – 0,4 п.л.

Подписано к печати 8.06.09. Заказ № 403
Объем 2,6 печ.л. Тираж 100 экз.
Типография МГТУ им. Н.Э. Баумана
105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д.5
263-62-01